

Тыся - 1990 - 4 апрель

Татьяна ОКУНЕВСКАЯ:

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Когда в 1970 году вышел в свет «Кинословарь» — первое отечественное справочно-энциклопедическое издание по искусству кино, «в активе» Татьяны Окуневской числилось всего десять ролей. До обидного мало для актрисы, уже в первых ролях показавшей себя безусловно талантливой. Вспомним их: Мадам Карре-Ламадон в «Пышке» Михаила Ромма (1936 г.), Тоня в «Горячих денечках» Александра Зархи и Иосифа Хейфица (1935 г.), Лена Леонтьева в «Последней ночи» Евгения Габриловича и Юлия Райзмана (1937 г.). А дальше — сплошные «белые пятна», по традиции семидесятых не заретушированные даже скудной информацией. Понимай, как знаешь, почему одаренный человек был исключен из профессиональной деятельности.

— Так все-таки почему Татьяна Кирилловна!

— Прежде нужно объяснить, как я попала в кинематограф. Иначе неясна будет дальнейшая цепь событий.

Мой отец был офицером царской армии. И сколько себя помню, периодически исчезал из моей жизни: сидел по тюрьмам. Не знаю, в чем состоял его конфликт с новой властью, и был ли он вообще. Родители, видимо, опасаясь, что я по малолетней глупости сболтну что-нибудь не то, всячески скрывали от меня суть происходящего. Впервые я поняла, что я — «пария», не такая, как мои ровесники, лет в десять, когда меня неожиданно перевели в другую школу.

Я вообще была отчаянная (в дальнейшей жизни это качество не раз выручало и не раз добавляло несчастий), дерзила учителям, вечно дралась с мальчишками и, естественно, после таких побоев выглядела не лучшим образом. Когда узнала, что буду учиться в другой школе, расплакалась, стала спрашивать: почему? Отец (он в то время был на свободе) сказал: «То ты ходишь в нечищенных ботиночках, то непричесанная, вот от тебя учителя и отказались». Зная за собой такой грех, я вполне удовлетворилась этим объяснением, а чуть позже узнала, что нас лишили избирательных прав, что мы — «лишущенцы». И в другую-то школу меня удалось пристроить только потому, что там директором — гимназический друг отца. С тех пор начались мои муки...

Актёрская профессия не манила меня никогда, были совсем иные мечты. Но меня лишили права выбора. После окончания школы я не знала, как жить дальше. Все планы оказывались несостоятельными с моим общественным статусом. И когда меня остановил на улице ассистент кинорежиссера и предложил попроситься на роль в фильме, я тут же согласилась. Для меня кино и театр стали той «экологической нишей», в которой я могла существовать. И просуществовала более или менее благополучно до 37-го, до ареста отца, бабушки и брата. Как дочь «врага народа», меня уволили из театра с соответствующей записью в трудовой книжке, и я осталась с мамой и крохотной дочкой без денег, без работы и вообще без каких-либо перспектив...

— Татьяна Кирилловна, вы столько раз оказывались в безнадёжных ситуациях. Как вам удалось выстоять? Что это — характер, везение, чудо?

— Чудеса совершали удивительно добрые люди. А мне на них очень везло. Тогда, в 37-м, я решила уехать из Москвы. Прислышала о двух театральных режиссерах — Синельникове в Харькове и Соболевском-Самарине в Горьком. Для поездки в Харьков денег не было, и я ринулась в Горький. Признаться Соболевскому-Самарину во всех «грехах» — и в благородном происхождении, и в родственных связях с «врагами народа». Умолчала только о том, что уже

работала в театре и кино. Хотела проверить, действительно ли могу быть профессиональной актрисой.

— А вам не кажется, что это был не самый подходящий момент для столь рискованных экспериментов? Едва ли вас не гриняли бы в театр?

— И так могли не принять... Мне надо было точно знать, не ошиблась ли я в выборе.

Собрался худсовет. Соболевский-Самарин дал мне играть странный этюд. Странный, во всяком случае, для меня. Прежде мне не доводилось играть крестьянку. А этюд был такой. В пьесе «Человек с ружьем» жена Шадрина попадает в дом сумасшедшей барыни, когда у той пропала кошка. «Вот вы ее и ищите», — сказал режиссер. А у меня ничего не получается. От отчаяния я разревелась и ползла искать кошку под стол, за которым сидели члены жюри. В результате меня приняли на первые роли. Сумел мой благодетель убедить в обкоме партии, что без меня столь важная премьера состояться не может.

А когда после худсовета мы вышли с Соболевским-Самариным на улицу, я вдруг увидела напротив театра огромную киноафишу с собственным портретом. Так раскрывался мой маленький обман...

— Потом вы снова начали сниматься в кино. До 48-го, до вашего ареста. У вас было ощущение опасности, происходили какие-то события, предвещавшие беду?

— Меня арестовали во время съемок фильма «Сказка о царе Салтане». Я только-только почувствовала себя состоявшейся актрисой и, да простится мне нескромность, состоявшимся человеком.

Меня поразила страшная тупость истории травли Ахматовой и Зощенко. Вообще не могла не чувствовать гнетущей напряженности в том мире, который мне был близок и понятен. Но личное несчастье оказалось для меня полной неожиданностью. Хотя потом, сидя тринадцать месяцев в одиночке, кое-какие странности вспоминала. Например, необъяснимо настойчивые предложения нашей начальницы отдела кадров (теперь-то я знаю, что кадровики были сотрудниками госбезопасности) вступить в партию...

— Какие деяния вам никириминировали?

— У меня было очень «объемное» дело — целых пять страниц, в основном доносов. Подтвердить, что из изложенного в них правда, а что — нет, и сейчас не могу. Я человек слишком импульсивный, чтобы в дружеских и деловых беседах строго контролировать свои высказывания. Так один из осведомителей информировал органы, что я ругала песню «Кипучая, могучая, никем не побеждаемая...» Что вполне могло быть. Потом будто бы я сказала в кафе на Крещатике в компании, что все коммунисты — дураки. Это маловероятно. Хотя тогда с нами был режиссер фильма Луков, с которым мы постоянно и жестоко ругались, разве что не дра-

лись. Может, в пылу спора и сорвалось что-нибудь подобное в адрес режиссера у меня с языка. А вот один случай, положенный в основу обвинения, скорее всего, правдив.

...Новый 1946 год я встречала в Вене. Это была моя первая послевоенная заграничная поездка. Маршал Конев устроил грандиозный прием. Поднимали тосты за Победу, за счастье, за Великого Сталина... А у меня всегда занозой сидела мысль о судьбе отца, я о нем ничего не знала. И вроде бы я предложила поднять бокал «за тех, кто в Сибири». Может быть, может быть...

— Вы так ничего не узнали об отце?

— Узнала, но позже. В жизни часто случаются поразительные совпадения, мистического, я бы сказала, порядка. Моя детская память сохранила такую картинку: поздний вечер, мама с узелком в руках и я стоим перед какими-то мрачными воротами и долго-долго чего-то ждем. Спустя много лет, когда закончилось следствие, меня взяли с Лубянки в Бутырскую тюрьму в «воронке». Точнее, в то время «воронков» не было и арестованных возили в машинах с надписью «Хлеб» или «Фрукты-овощи». Кузов в них разделен на клетушки, которые были набиты заключенными, а в проходе — охранник с автоматом. Все стало лихорадочно выкрикивать имена своих арестованных близких в надежде хоть что-то узнать об их судьбе. Крикнула и я: «Кто-нибудь встречался с Окуневским?» Вдруг слышу мужской голос, стараюсь перекричать других, рассказывает, как их этап привезли к океану, разделили, одну половину загрузили на баржу. И на глазах оставшихся баржу затопили. Там был мой отец. Открылась дверь, велели выходить. Я ступила на землю, подняла глаза и узнала ворота, в которых когда-то приходили мы с мамой...

— Представить себе женщину в сталинских лагерях не могу, несмотря на гору прочитанной литературы. А вы, насколько я знаю, пробыли там шесть лет. Конечно, добрые люди были и там. Но не они, увы, определяли порядок жизни. Как вы с вашим непокорным нравом существовали в мире, четко разделенном на угнетателей и угнетенных?

— Я не старалась приспособиться к обстоятельствам или приспособить обстоятельства к себе. Продолжала жить по тем законам, по каким жила на воле, подходить к людям с теми же мерками, какими оценивала их прежде. Не позволяла себя унижать: в ответ на оскорбление, простите, плевала в лицо надзирателю или лезла в драку. Отсидев в лагере, возвращалась в барак и вновь вела себя по-старому.

Надо еще помнить, что послевоенный политический лагерь сильно отличался от предвоенного по составу заключенных. Например, в одном из лагерей (я сидела поочередно в пяти) завсикадом была баба-отвратительная, раскормленная, каждый день менявшая наряды.

В годы войны она ездила на повозке за карателями и обирала расстрелянных, а потом распродала награбленное в своей лавочке. Местные жители каждое утро бежали туда, чтобы по выставленным вещам определить, казнены их близкие или еще нет. Так вот, эта мародерка тоже была политической заключенной. Я у нее, кстати, выменяла роскошное венское платье, присланное мне в лагерь заботливой, но еще не очень разумной двенадцатилетней дочерью вместе с теплыми бурками, на десять морковок. Выгодная состоялась сделка.

Лагерь — это своеобразный тест на выживание. Нужно не ошибиться, сохранить в себе то, что нужно, и переломить то, что мешает. Я спокойно ела треску с червями, пила воду с головастиками прямо из лужи. И видела женщин, которые умирали от голода, но брезгливо отворачивались от подобных «явств»...

— Вы встречались после освобождения с людьми, донесшими на вас?

— С одним из них на последствии была проведена очная ставка. Я выглядела ужасно в то время, страдала дистрофией, ноги были, как тумбы. Вошла в кабинет следователя и увидела, кроме него, маленького человека, вжавшегося в спинку стула и испуганно глядящего на меня. Я его даже не вспомнила.

Другую доносчицу, кстати, народную артистку, встретила как-то в парикмахерской. Она кинулась ко мне с приветствиями, я просто посторонилась и прошла мимо. Еще про одного знаю, что конец его был страшен...

К осведомителям я отношусь очень плохо. Это естественная брезгливость к человеческой нечистоплотности. Даже к следователю, который вел мое дело, который обращался со мной чудовищно грубо (впрочем, и я старалась не оставаться в долгу), даже к нему у меня более лояльное отношение. Он все-таки был прикован к репрессивной машине, несвободен в своих действиях. А вот что заставляло людей строчить доносы? Загадка...

— Как сложилась ваша жизнь после реабилитации?

— Вернулась в Театр имени Ленинского комсомола, но через год меня уволили по сокращению штатов. В то время художественным руководителем там была Софья Владимировна Гиацинтова. Перед смертью она вызвала меня к себе и покаялась, что сделала это по настоянию влиятельных людей.

Потом я работала на эстраде, объездила почти весь Союз. Снималась мало. Приглашения получала, но в последнюю минуту все рушилось. Как будто чья-то незримая рука продолжала безжалостно вершить мою судьбу. Роли можно перечислить по пальцам: в «Ночном патруле», в «Странной истории доктора Джекиля и мистера Хайда», в одной из серий «Резидента»... А сейчас уже, честно говоря, и не тянет играть.

В заключении я часто читала на память неопубликованное стихотворение Анны Ахматовой, попавшее ко мне через моего друга Ольгу Берггольц. Там есть такие строки:

А я иду, со мной беда
Не прямо и не косо,
И в чужда и в никуда,
Как поезда с откоса...

Многие из моего поколения шли по жизни «в никуда и в никуда». Я верю в судьбу, в Бога, в высшее предназначение. Может, испытания, что выпали на нашу долю, не были зряшными? Может быть, дальнейшая линия судьбы страны, народа объяснит смысл нашего пребывания на Земле?..

Беседу вела Т. КУЛИКОВА.